

Shils, E. (1957) Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties. *British Journal of Sociology*, vol. 8, no. 2, pp. 130–145.

Submission date: 25.05.2026.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета. Адрес: 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Тел.: +7 (8662) 40-48-06. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Lamazhaa Chimiza Kuder-Oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University. Postal address: 173, Chernyshevskogo St., Nalchik, Russian Federation, 360004. Tel.: +7 (8662) 40-48-06. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.5

Фашизм: опыт определения

К. В. АРШИН

Институт философии РАН

В статье рассматривается проблема определения фашизма как сложного историко-политического феномена, который не может быть сведен к единой универсальной формуле или набору неизменных признаков. Особое внимание уделяется трудностям, возникающим при попытке выделить устойчивые характеристики фашистских движений и режимов. Автор анализирует основные исследовательские подходы к интерпретации данного явления, сопоставляет его идеологические, социальные и политические особенности и показывает, почему понятие фашизма продолжает оставаться предметом научных дискуссий. В статье подчеркивается необходимость комплексного подхода, учитывающего культ коллективной общности, требование внутреннего единства и неприятие инакомыслия, подчинение личности коллективу, враждебность к либеральной демократии и правам человека, миф о возрождении, конструирование образа врага и оправдание насилия.

Ключевые слова: фашизм; ультра национализм; политический миф; насилие; харизма; русофобия

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о природе фашизма, попытки выработать его определение — одни из наиболее дискутируемых в современных гуманитарных науках (Сергеенкова, 2019ab). В настоящее время создано не менее сотни дефиниций этого понятия. Известный писатель Дж. Оруэлл в 1944 г. писал: «Создается впечатление, что слово “фашизм” практически лишено всякого содержания. Конечно, в разговоре оно используется еще шире, чем в печати. Я слышал, как его применяли по отношению к фермерам, продавцам, социальному кредиту, корпоративной дисциплине, охоте на лис, корриде, Комитету-1922, Комитету-1941, Киплингу, Ганди, Чан Кайши, гомосексуализму, выступлениям [Джона] Пристли, молодежным хостелам, астроло-

гии, женщинам, собакам и еще бог знает к чему. <...> Но фашизм — это также и политическая, и экономическая система. Почему же тогда у нас не может быть четкого и общепринятого ее определения?» (Orwell, 1968: 83) Это, с одной стороны, в значительной степени затрудняет понимание данного исторического феномена. А с другой стороны, оставляет простор для интерпретаций, обеспечивая возможность для оппонентов обвинить своих *vis-a-vis* по дискуссиям в приверженности фашизму и/или нацизму, реализовав прием «*Reductio ad Hitlerum*» (лат. «сведение к Гитлеру»), описанный еще в 1953 г. немецко-американским политическим философом Лео Штраусом в книге «Естественное право и история». Так, представляя свою интерпретацию учения о ценностях Макса Вебера, Штраус сетует, что в послевоенных США оказывается слишком легко достичь позиции, за которой «сцена омрачается тенью Гитлера». Как следствие, точка зрения ученого может быть отвергнута только «из-за того факта, что ее, как оказалось, разделял Гитлер» (Штраус, 2007: 46). В современных условиях ученый, ставящий себе целью представить интерпретацию фашизма как исторического явления, может стать жертвой навета о том, что он сам является фашистом и разделяет точку зрения Гитлера и Муссолини или современных фашистов на расовый вопрос, вопрос отношения личности и коллектива или роль насилия в общественных отношениях.

Однако наблюдаемый в последнее десятилетие рост популярности ультраправых идей (Литвинова, 2025), базирующихся на принципах белого супремасизма (Gonzalez, 2020), отрицания холокоста (Свечникова, Кулакова, 2023; Рыжов, Бородин, 2015), русофобии (Кара-Мурза, 2015), а также политического популизма (Володин, 2020; Грибовский, 2019), использующего лозунги борьбы с предательством элит, угрозой со стороны иноплеменников, социальным расслоением и т. д., ставит вопрос о существующих попытках внедрения в политическую реальность тех идей, что двигали не только подавляющим большинством итальянского и немецкого народов, но и членами Британского союза фашистов, французского «Аксьон Франсе», хорватских «Усташей», румынской «Железной гвардии», Союза болгарских национальных легионов, Испанской Традиционалистской Фаланги, а также десятками различных фашистских и парафашистских группировок.

Соответственно, вопрос о сущности фашизма как исторического и политического явления представляется актуальным.

ТЕОРИИ «ФАШИЗМА»

В соответствии с определением фашизма, которое было предложено специалистами РАН для рабочей группы Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций в 1996 г., под фашизмом следует понимать идеологию и практику, «утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении других народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдания войны как средства решения межгосударственных проблем» (Национализм, ксенофобия и нетерпимость, 2002: 88). Указанное определение подверг критике известный отечественный политолог и специалист в области изучения национализма В. С. Малахов, отметивший, что оно не может быть названо удовлетворительным в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в современном мире существуют фа-

шистские движения, которые отказываются от утверждения принципа превосходства одной национальной/расовой группы над другой. Во-вторых, фашизм — не враждебен демократии как таковой. Он враждебен лишь одной из форм демократии — либеральной демократии. Сам же демократический принцип фашизм зачастую берет на вооружение, но это, с точки зрения фашистских теоретиков, «истинная» демократия, основанная на принципе понимания и принятия каждым членом общества своего места в этом обществе, исполнении на этом месте своего долга перед обществом и внутреннем ощущении собственного единства с этим обществом. Также В. С. Малахов обращает внимание на отсутствие в указанном определении специалистов РАН акцента на массовость фашизма, а ведь фашизм — «в буквальном смысле слова народное движение, питающиеся энергией недовольства снизу и взывающее к таким понятным массам ценностям, как восстановление поправленной справедливости, наведение порядка, выход из (экономического и духовного) кризиса и т. д.» (Малахов, 2005: 201–202).

Однако и классическое определение фашизма, которое использовалось в советском обществознании и гласящее, что фашизм — это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (Димитров, 1958: 6), также едва ли может быть названо удовлетворительным. Так, например, в качестве субъекта фашистской диктатуры Димитров называет «финансовый капитал». Однако в Италии в момент прихода к власти Муссолини и установления фашистского режима в 1922 г. финансовый капитал, под которым в марксистской политэкономии традиционно понимали специфический, характерный для поздней стадии развития капитализма, феномен, при котором происходит «концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью» (Ленин, 1966: 673), еще не сложился. Во-вторых, указание на террористическую диктатуру в качестве инструмента осуществления власти также представляется слишком натянутым. В той же Италии, как указывает американский историк Франклин Хью Адлер, Муссолини в 1920-е гг. приходилось идти на компромиссы с традиционными либеральными элитами, сдерживая радикальных фашистов, требовавших переустройства государства в соответствии с «доктриной фашизма», и ограничиваясь лишь подавлением политического инакомыслия (Адлер, 2014). А в 1930-е гг. даже подавление политического инакомыслия сменилось курсом на общественный консенсус. «Новые обширные социальные программы Муссолини, его призывы к социальной справедливости, провозглашение корпоративизма в качестве нового, “третьего пути”, между коммунизмом и капитализмом, а также щедрые субсидии культуре пользовались популярностью у населения». Более того, в 1932 г. «были освобождены более половины заключенных, арестованных за оппозиционную деятельность» (там же: 152). А итальянские интеллектуалы перешли на позицию поддержки режима Муссолини. Франклин Адлер так описывает этот процесс: «К 1931 г., спустя шесть лет после убийства Маттеотти и антифашистского манифеста Кроче (подписанного более 400 интеллектуалами), Муссолини ввел в практику клятву верности фашистскому режиму, которую отказались принести лишь двенадцать университетских профессоров. Практически все университетские преподаватели, подписавшие ранее манифест Кроче, не только принесли клятву верности власти, но стали в той или иной степени сотрудничать с режимом. Интеллектуалы, превратившиеся впоследствии в известных антифашистов, например Норберто Боббио

и Антонио Банфи, не только подписали клятву, но, следуя расистскому законодательству 1938 г., официально удостоверяли, что в них не течет еврейской крови» (там же: 152).

Равным образом и программа НСДАП, известная как «Программа 25 пунктов НСДАП», отнюдь не подразумевала удовлетворения интересов крупной буржуазии. Напротив, указанная программа предполагала активное вмешательство государства в экономику в пользу обеспечения льгот для низшего среднего класса. Так, например, она требовала казни всех ростовщиков и спекулянтов (пункт 18), национализации трестов (пункт 13), а также предоставления льготного режима для малого и среднего бизнеса при заключении государственных контрактов (пункты 15 и 16). Наконец, национал-социалисты требовали разделения прибыли между работниками и владельцами крупных предприятий (пункт 14) (Гейден, 1935). В 1925 г. фюрер нацистской партии объявил программу неизменной. Единственной переинтерпретации подвергся пункт 17, требовавший перераспределения земли крупных собственников среди нуждающихся крестьян. Он был изменен на требование изъятия земли у собственников-евреев с последующим перераспределением. Очевидно, что данная уступка была сделана в пользу крупных юнкеров-земледельцев Восточной Германии, которых Гитлер пытался привлечь на свою сторону.

Справедливости ради следует отметить, что реализация этой программы столкнулась с трудностями, вызванными заключением сделки между Гитлером и крупными германскими промышленниками, итогом чего стало размежевание внутри нацистской партии и последующий раскол на правое крыло во главе с Гитлером, настаивавшем на компромиссе между крупным немецким бизнесом и НСДАП, и левое крыло во главе с Грегором Штрассером, требовавшим неукоснительного соблюдения партийной программы (Васильченко, 2005). Но все же, как доказывают современные исследователи, именно средний и низший классы Германии стали основными выгодополучателями от плана Гитлера по переустройству Германии (Гец, 2025).

Соответственно, экономическая трактовка феномена фашизма едва ли может быть принята в качестве состоятельной.

На идеологические аспекты фашизма обратил внимание английский историк Роджер Гриффин. С его точки зрения, ошибкой современных исследователей является трактовка фашизма как единого явления, поскольку фашистские движения слишком различны по своим характеристикам, для того чтобы попытаться привести их к единому знаменателю. У фашизма просто нет своего теоретика, который бы изложил основы учения фашизма, как это было, допустим, у консерватизма (Э. Берк), либерализма (Дж. Ст. Милль), социализма (Карл Маркс) или анархизма (М. Бакунин). Следствием отсутствия ортодоксии является полифония фашизма, которая находит свое выражение в том, что «каждая его (фашизма. — К. А.) национальная разновидность и каждый элемент отдельно взятой разновидности рационализируются посредством уникального синтеза идей, находящихся определенный отклик в рамках той особенной исторической и политической культуры, в которой возникает фашистское движение» (Гриффин, 2014: 343). Как следствие, идеологии фашистских движений представляют собой продукт сложного синкретизма положений естественных и гуманитарных наук (социал-дарвинизм, евгеника, демография и физическая антропология), положений христианства (в тех обществах, где традиции христианства были сильны (например, Румыния и Болгария)), язычества

и магизма (германский нацизм), переноса прошлого в будущее через обетование возвращения «золотого века». Все это делает формулировку определения фашизма крайне сложной. Тем не менее Р. Гриффин выделяет «фашистский минимум», который, с его точки зрения, характерен для всех фашистских движений, — это ультранационализм и палиогенетический миф. Ультранационализм фашистских движений выражался в акценте на органической природе наций, которые представлялись в качестве живых организмов, переживающих периоды рождения, становления, расцвета и упадка. Подобная трактовка наций давала фашистским теоретикам возможность представлять нации в качестве явлений, характеризующихся внутренними динамическими процессами, которые предопределяли господство одних наций над другими. Последнее, в силу того что жизненные силы любого организма рано или поздно иссякают, делает возможным даже подчиненным нациям добиться господства над угнетателями. Однако и нации, находящиеся в состоянии упадка, могут добиться возрождения. Последнее обеспечивает палингенетический миф — обещания вернуться к «золотому веку» в истории нации, преодолев период «декаданса» и «упадка», на который обрекли нацию политические элиты. Переход от периода «упадка» к «золотому веку» возможен только в рамках революции, которую должна осуществить молодежь, призванная восстать против «геронтократии» старых элит. Отсюда акцент, который делали фашистские движения на молодости и физической силе в ущерб рациональности и опыту и их привлекательности для поколения фронтовиков, прошедших Первую мировую войну. Впрочем, последнее предопределило и слабость фашистских движений, поскольку, как указывал Гриффин, фашистские вожди в силу законов биологии стареют и все менее удовлетворяют требованиям своих последователей, для которых стремление к постоянным изменениям, динамизм и революция выступают в качестве тех черт, что и привлекли их в фашизм (Гриффин, 2026).

Следует отметить, что позиция Р. Гриффина, несмотря на ее эвристичность, не была принята в качестве единственной. Коллега Гриффина профессор Университета Калифорнии обратил внимание на относительную расплывчатость определения Гриффина: «Если принять точку зрения Гриффина, фашизм предстает перед нами в виде драматически и постоянно изменяющегося объекта для исследования социальной наукой... Каким-то образом мы можем идентифицировать “фашизм” у “нео-евразийцев”, “национал-большевиков”, “пролетарских расистов от панкрока и тяжелого металла”, а равным образом и у тех, кто стремится к солидарности с Ливией, палестинцами и даже с Ираком и Югославией, когда те являются “жертвами империалистической агрессии со стороны США”» (Gregor, 2006).

Не согласен с акцентом Гриффина на ультранационализме в качестве ключевой черты, характеризующей фашизм, и другой историк — Кевин Пассмор. Так, с точки зрения Пассмора, ультранационализм, который Гриффин полагает наиболее важной характеристикой фашистских движений, был присущ не только фашизму, но и всем крайне правым движениям межвоенной Европы. Что ставит вопрос о различии между фашизмом и крайним консерватизмом, поскольку не все крайне правые движения симпатизировали и ассоциировали себя с фашизмом. Вместе с тем Пассмор все же использует понятие национализма в качестве одной из характеристик фашизма. С его точки зрения, «фашизм является формой ультранационалистической идеологии и практики» (Passmor, 2002: 25), которая характеризуется следующими чертами:

1. Приоритет нации. Нация, определяемая биологическими, культурными или историческими признаками, является высшей ценностью и источником лояльности.

2. Крайне правая позиция. Движение враждебно к социализму и феминизму, так как они ставят во главу угла класс или пол, а не нацию.

3. Радикализм и элитарность. Для победы над левыми идеями и мобилизации нации необходима новая элита во главе с харизматичным лидером и массовая милитаризованная партия.

4. Прагматизм по отношению к консерватизму. Фашизм разделяет с консерваторами ненависть к социализму и феминизму, но готов игнорировать традиционные институты (семья, собственность, религия), если это противоречит интересам нации.

5. Мобилизация масс. Радикализм фашизма поддерживается путем интеграции их требований в национальные приоритеты через специальные партийные секции или корпоративную систему.

6. Ультранационализм. Доступ к благам и организациям зависит от национальных или расовых характеристик. Все аспекты политики подчинены идее национального единства (там же: 31).

Важный вклад в изучение фашизма внес американский историк Роберт Пэкстон. В книге «Анатомия фашизма» он предложил понимать фашизм не столько как завершённую идеологическую доктрину, сколько как особую форму политического поведения (Рахтон, 2004). Пэкстон подчеркивает, что краткое определение неизбежно упрощает явление, однако позволяет выделить его ключевые признаки.

Фашизм, согласно Пэкстону, возникает вокруг ощущения глубокого общественного кризиса, унижения, упадка и положения жертвы. Он предлагает компенсировать это через культ национального единства, энергии, чистоты и силы. В центре фашистского движения находится массовая партия преданных националистических активистов, которая действует не изолированно, а в союзе с традиционными элитами. Именно сотрудничество с элитами, обладающими экономической, социальной и политической властью, способствует трансформации фашизма из маргинального движения в реальную политическую силу.

Важная особенность теории Пэкстона состоит в том, что он не сводит фашизм к набору идей или программных положений. Фашизм характеризует отсутствие устойчивой и строго оформленной доктрины, которая подчинена политической практике. Основу этой политической практики представляют «мобилизующие страсти» — эмоциональные и психологические установки, которые лежат в основе фашистской политики. К ним относятся чувство всепоглощающего кризиса, убеждение в первенстве группы над индивидом, представление о собственной нации или общности как о жертве, страх перед упадком, стремление к очищению общества, культ вождя, недоверие к универсальному разуму и правовым нормам, а также оправдание насилия во имя коллективного возрождения.

Особую роль в «мобилизующих страстях» играет «искупительное насилие». Фашизм не просто допускает насилие как инструмент политики, а придает ему положительный смысл: насилие представляется способом очищения, восстановления силы и преодоления унижения. И, как подчеркивает Пэкстон, отрицательное отношение фашизма к праву, демократии, правам человека обусловлено именно тем, что эти понятия вводят ограничение на открытое применение насилия.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ФАШИЗМ?

Представленные выше теории фашизма позволяют сформулировать определение фашизма.

Прежде всего необходимо отметить, что фашизм не следует понимать только как диктатуру крупного капитала, только как расизм, только как отрицание демократии, ультранационализм или антисемитизм. Исторически фашизм многообразен. Он не обладал и не обладает единой завершенной доктриной. Его национальные разновидности могли различаться по отношению к экономике, религии, традиционным институтам, социальной политике и даже отдельным демократическим процедурам. Однако при всех различиях фашистские движения объединяет общий идейный и политический стержень.

В центре фашистского мировоззрения находится представление о коллективной общности как о высшей ценности. Эта коллективная общность может носить разные названия — нация, раса, класс и т. д. Исключительно важным является использование органицистской метафоры в трактовке этой коллективной общности, а именно понимание этой общности не как механической совокупности граждан, а как живого организма, обладающего собственной судьбой, волей, силой, понимание того, что, как и любой биологический организм, эта общность может переживать периоды расцвета и упадка, молодости и старости. В этом смысле крайне важным выступает требование внутреннего единства и неприятие инакомыслия, поскольку любое расхождение с официально провозглашенной волей нации воспринимается как угроза всему национальному организму. И в пользу этого национального организма приносятся в жертву индивидуальные права, классовые интересы, социальные различия и универсальные правовые нормы.

В фашистской идеологии личность рассматривается прежде всего как часть нации, государства, расы или народа. Ее ценность определяется служением коллективному целому, выполнением долга и готовностью к самопожертвованию. Отсюда вытекает враждебность к либеральной демократии, правам человека, политическому плюрализму, разделению властей и правовым ограничениям власти. Эти институты воспринимаются как проявления слабости, разобщенности и неспособности к решительному действию. При этом фашизм может использовать демократическую риторику, утверждая, что выражает не формальную, а «истинную» волю народа.

В свете изложенного становится очевидным значение общественного кризиса в качестве важнейшего условия генезиса фашизма. Именно социальный кризис, вытекающий из предшествующей истории социума или искусственно сконструированный политическими элитами, служит питательной почвой для фашизма, поскольку именно в период кризиса риторика о возрождении общества приобретает особое значение. Фашизм обещает «возрождение» через мобилизацию масс, подчинение личности коллективу, культ силы, опору на харизматического лидера, использование политического единства и очищающего насилия. По сути, фашистская идеология строится на представлении о том, что сообщество переживает упадок, унижение, кризис, утрату прежнего величия, но может быть вновь приведено к силе, порядку и «золотому веку». Этот палингенетический миф соединяет образ идеализированного прошлого с обещанием будущего обновления. Поэтому фашистские движения питаются ощущением глубокого экономического, духовного, морального или политического кризиса. В этом смысле народ изображается как жертва внутренних врагов, внешних сил, старых элит или чуждых идеологий, а са-

мо движение предлагает себя как средство спасения и восстановления национального достоинства.

Важную роль в фашизме играют массы. В этом смысле фашизм является не просто заговором элит или аппаратом диктатуры, он в обязательном порядке имеет опору в массах, конвертируя недовольство «снизу» в агрессию в отношении тех, кто назначен на роль «Другого». Именно через уничтожение «Другого» фашизм обещает установление порядка, справедливости, преодоление кризиса и возвращение коллективной мощи. Для фашизма вообще характерно конструирование образа врага, ответственного за кризис и унижение нации. Врагами могут объявляться политические противники, меньшинства, чужие народы, «старые элиты», либералы, социалисты или иные группы, изображаемые как угроза национальному единству. Такое представление позволяет оправдывать репрессии, насилие и отказ от правовых ограничений. То есть насилие рассматривается не просто как вынужденный инструмент, а как положительная, «очищающая» сила. Оно оправдывается задачами национального возрождения, подавления врагов, преодоления упадка и восстановления коллективной мощи.

Здесь стоит указать на принципиальное отличие фашизма от консерватизма. Консерватизм, при всем многообразии его форм, исходит из признания самостоятельной ценности исторически сложившихся институтов, норм и иерархий. Для консервативного мышления традиция важна не только как средство политической мобилизации, но прежде всего как источник легитимности, преемственности и общественного порядка.

Фашизм же, напротив, относится к традиции избирательно и инструментально. Он может использовать язык преемственности, апеллировать к религии, семье, воинской доблести, национальному мифу или образам «золотого века», однако эти элементы подчиняются не логике сохранения традиционного порядка как такового, а задаче создания мобилизованного массового политического сообщества. Традиция в фашизме не столько сохраняется, сколько перерабатывается, инсценируется и включается в современную политическую технологию власти.

Именно поэтому фашизм следует понимать не как простое возвращение к прошлому, а как продукт модерна (точнее – эпохи организованного модерна). Он возникает в условиях массовой политики, индустриального общества, бюрократического государства, развитых средств пропаганды и кризиса либеральных и парламентских институтов. Его формы организации являются глубоко современными. Даже когда фашизм обращается к архаическим образам, он делает это средствами современной политики.

Даже чувство ностальгии по архаике, т. е. по воображаемому единству народа, героическому прошлому, устойчивым иерархиям, сакральному порядку и органической общности, — не более чем инструмент. Для фашизма архаика — символический ресурс, позволяющий придать современному политическому проекту видимость древности, естественности и исторической неизбежности.

Таким образом, если консерватизм ориентирован на сохранение преемственности и ограничение радикального политического вмешательства, то фашизм стремится к активному преобразованию общества через мобилизацию, унификацию и подчинение всех сфер жизни единому политическому проекту.

Таким образом, фашизм можно определить как массовую радикальную форму идеологии и политической практики, возникающую в условиях переживаемого или

искусственно конструируемого общественного кризиса и строящуюся на мифе о возрождении, культе единства, силы, признании насилия допустимым или даже необходимым средством политического обновления, отрицании правовых ограничений в отношении насилия против назначенного «Другого», а также умалении личности как самостоятельного носителя прав, достоинства и моральной автономии в пользу коллективного целого, понимаемого как нация, раса, государство, движение или иной сакрализованный образ «общности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что фашизм нельзя объяснить каким-то одним признаком: расизмом, диктатурой, крайним национализмом, отрицанием демократии, террором или защитой интересов крупного капитала. Все эти признаки важны, но каждый из них отражает только часть явления. История показывает, что фашистские движения и режимы были разными. Они по-разному относились к экономике, религии, традициям, участию масс в политике и даже к отдельным демократическим процедурам. Поэтому дать одно простое и универсальное определение фашизма довольно трудно.

Однако разные научные подходы позволяют выделить главное в фашизме. В его основе лежит идея о том, что некая коллективная общность — нация, раса, государство, народ или движение — является высшей ценностью. Ради нее должны быть подчинены личность, права человека, моральный выбор и социальные различия. Такая общность понимается не как объединение граждан с правами и свободами, а как единый организм со своей волей, судьбой и исторической задачей. Отсюда возникает требование полного единства, неприятие инакомыслия, враждебность к либеральной демократии, политическому многообразию и правовым ограничениям власти. И в то же время, как не раз было отмечено, фашизм кардинальным образом отличен от консерватизма своим отношением к традиции (важнейшая для консерваторов ценность).

Особое значение для фашизма имеет миф о возрождении. Фашистская идеология возникает и получает массовую поддержку в условиях реального или сконструированного кризиса, когда общество воспринимается как униженное, ослабленное, разобщенное и утратившее прежнее величие. В ответ на это фашизм предлагает проект радикального обновления, основанный на мобилизации масс, культе силы, харизматическом лидерстве, поиске врага и обещании возвращения к идеализированному состоянию порядка, единства и мощи. Тем самым фашизм апеллирует не только к политическим интересам, но и к коллективным эмоциям — страху, *ressentiment*, чувству утраты, потребности в принадлежности и стремлению к восстановлению справедливости.

Ключевым элементом фашистской практики выступает конструирование образа «Другого», на которого возлагается ответственность за кризис, упадок и унижение коллективной общности. Именно через исключение, подавление или уничтожение этого «Другого» фашизм обещает восстановление порядка и единства. Насилие в данной логике перестает быть лишь инструментом принуждения и приобретает самостоятельное символическое значение: оно представляется как средство очищения, обновления и восстановления коллективной силы. Поэтому отрицание прав человека, правовых процедур и ограничений власти оказывается не случайным, а внутренне связанным с самой структурой фашистского мировоззрения.

Следовательно, фашизм следует понимать как массовую радикальную идеологию и политическую практику, возникающую в условиях общественного кризиса и основанную на культе сакрализованной коллективной общности, мифе о ее возрождении, подчинении личности коллективу, отрицании либерально-правовых ограничений, создании образа врага и оправдании насилия как средства политического обновления. Такое понимание позволяет избежать как чрезмерного расширения понятия, превращающего «фашизм» в универсальное обвинение, так и чрезмерного сужения, сводящего его только к отдельным историческим режимам или набору внешних признаков.

Таким образом, научная значимость определения фашизма состоит не только в уточнении содержания самого термина, но и в выработке аналитических критериев, позволяющих отличать фашистские движения от иных форм авторитаризма, национализма, консерватизма или популизма. Фашизм представляет собой особый тип политической мобилизации, в котором кризисное сознание, культ единства, миф возрождения и оправдание насилия образуют целостную систему. Именно поэтому его исследование сохраняет актуальность как для исторической науки, так и для анализа современных политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адлер, Ф. Х. (2014) Евреи сначала буржуа, затем враги, а потом жертвы: поворот итальянского фашизма к расизму в 1938 году // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. №4 (23). С. 150–163.
- Васильченко, А. В. (2005) Война кланов. Черный фронт против НСДАП. М. : Яуза. 416 с.
- Володин, А. Г. (2020) Феномен «нового популизма»: американское измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №4. С. 253–277.
- Гейден, К. (1935) История германского фашизма. М. : Государственное социально-экономическое издательство. 433 с.
- Гец, А. (2025) Народное государство Гитлера: грабеж, расовая война и национал-социализм. СПб. : Питер. 480 с.
- Грибовский, В. С. (2019) Правый популизм: особенности политического феномена // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravu-u-populizm-osobennosti-politicheskogo-fenomena> (дата обращения: 29.04.2026).
- Гриффин, Р. (2014) Фашизм до и после Второй мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. №1. С. 341–353.
- Гриффин, Р. (2026) О природе зла. Фашизм и миф о возрождении. М. : Родина. 256 с.
- Димитров, Г. (1958) Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма : доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 года. М. : Государственное издательство политической литературы. 129 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2015) Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №1 (39). С. 6–14.
- Ленин, В. И. (1966) Империализм как высшая стадия развития капитализма // Избр. произведения в 3 т. Т. 1. М. : Издательство политической литературы. 861 с. С. 638–742.
- Литвинова, Т. Н. (2025) Возрождение нацизма и современная русофобия: уроки истории и вызовы настоящего // Общество: политика, экономика, право. Вып. 5. С. 30–37.
- Малахов, В. С. (2005) Национализм как политическая идеология : учеб. пособие. М. : КДУ. 318 с.
- Национализм, ксенофобия и нетерпимость 2002 (2002): Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М. : Московская Хельсинкская группа. 422 с.
- Рыжов, И. В., Бородина, М. Ю. (2015) Проблема отрицания Холокоста: история, особенности и современные тенденции // Вестник ННГУ. №3. С. 97–102.

Свечникова, С. В., Кулакова, К. А. (2023) Проблема ревизионизма Холокоста в конце XX–XXI вв. // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. №3 (100). С. 56–61.

Сергеенкова, И. Ф. (2019а) Понятие «фашизм» в справочно-энциклопедической литературе США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-fashizm-v-spravочно-entsiklopedicheskoy-literature-ssha-i-velikobritanii> (дата обращения: 29.04.2026).

Сергеенкова, И. Ф. (2019b) Проблемы интерпретации понятия «фашизм» в англо-американской историографии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-interpretatsii-ponyatiya-fashizm-v-anglo-amerikanskoj-istoriografii> (дата обращения: 29.04.2026).

Штраус, Л. (2007) Естественное право и история. М. : Водолей Publishers. 312 с.

Gonzalez, C. J. I. (2020) From Ideology to Hate Speech and the Problem of Euro-American White Supremacist Extremism // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. №4. С. 5–12.

Gregor, A. J. (2006) Roger Griffin, social science, “fascism” and the “extreme right” // *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Roger Griffin, Werner Loh and Andreas Umland (eds.). Stuttgart : Ibidem-Verlag, 510 p. P. 115–122.

Orwell, G. (1968) What is Fascism? Tribune, 1944 // *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell* / S. Brownell-Orwell, I. Angus (Eds.). Vol. III: Harcourt Brace Jovanovich. New York. 579 p.

Passmor, K. (2002) *Fascism. A Very Short Introduction*. Oxford : Oxford University Press. 177 p.

Paxton, R. (2004) *The Anatomy of Fascism*. N.-Y. : Vintage Book. 335 p.

Дата поступления: 01.06.2026 г.

FASCISM: AN ATTEMPT AT DEFINITION

K. V. ARSHIN

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article examines the issue of defining fascism as a complex historical and political phenomenon that cannot be reduced to a single universal formula or set of immutable characteristics. Particular attention is paid to the difficulties that arise when attempting to identify stable characteristics of fascist movements and regimes. The author analyzes the main research approaches to interpreting this phenomenon, compares its ideological, social, and political characteristics, and demonstrates why the concept of fascism continues to be the subject of scholarly debate. The article emphasizes the need for a comprehensive approach that takes into account the cult of collective community, the demand for internal unity and the rejection of dissent, the subordination of the individual to the collective, hostility to liberal democracy and human rights, the myth of rebirth, the construction of enemy images, and the justification of violence.

Keywords: fascism; ultranationalism; political myth; violence; charisma; Russophobia

REFERENCES

Adler, F. X. (2014) Evrei snachala burzhua, zatem vragi, a potom zhertyv': povorot ital'yansko-goshizma k razizmu v 1938 godu. *BEREGINYA.777.SOVA*, no. 4 (23), pp. 150–163.

Vasil'chenko, A. V. (2005) *Vojna klanov. Cherny'j front protiv NSDAP*. Moscow, Yauza. 416 p.

Volodin, A. G. (2020) Fenomen «novogo populizma»: amerikanskoe izmerenie. *Kontury` global'ny'kh transformacij: politika, e`konomika, pravo*, no. 4, pp. 253–277.

Hejden, K. (1935) *Istoriya germanskogo fashizma*. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-e`konomicheskoe izdatel'stvo. 433 p.

Gecz, A. (2025) *Narodnoe gosudarstvo Gitlera: grabezh, rasovaya vojna i nacional-socializm*. St. Petersburg, Piter. 480 p.

Gribovskij, V. S. (2019) Pravyj populizm: osobennosti politicheskogo fenomena. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy` RAN*, no 1 (Online) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravyj-populizm-osobennosti-politicheskogo-fenomena> (accessed: 29.04.2026).

Griffin, R. (2014) Fashizm do i posle Vtoroj mirovoj vojny`: istoricheskaya rol`, ideologicheskie ustanovki, politicheskoe znachenie. *Forum novejshej vostochnoevropejskoj istorii i kul`tury` — Russkoe izdanie*, no. 1, pp. 341–353.

Griffin, R. (2026) *The Nature of Fascism. Fascism and the myth of rebirth*. Moscow, Rodina. 256 p.

Dimitrov, G. (1958) *Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internacionala v borbe za edinstvo rabocheho klassa, protiv fashizma : doklad na VII Vsemirnom kongresse Kommunisticheskogo Internacionala 2 avgusta 1935 goda*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury`. 129 p.

Kara-Murza, S. G. (2015) Rusofobiya Zapada. *Kontury` global`ny`kh transformacij: politika, e`konomika, pravo*, no. 1 (39), pp. 6–14.

Lenin, V. I. (1966) Imperializm kak vysshaya stadiya razvitiya kapitalizma. In: *Izbr. proizvedeniya in 3 vols*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury`. 861 p. Pp. 638–742.

Litvinova, T. N. (2025) Vozrozhdenie nacizma i sovremennaya rusofobiya: uroki istorii i vy`zovy` nastoyashhego. *Obsbhestvo: politika, e`konomika, pravo*, issue 5, pp. 30–37.

Malakhov, V. S. (2005) *Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya: ucheb. posobie*. Moscow, KDU. 318 p.

*Nacionalizm, ksenofobiya i neterpimost` v sovremennoj Rossii* (2002) Moscow, Moskovskaya Khel` sinkskaya gruppa / ed. by S. Lukashevskij, T. Lokshina. 422 p.

Ry`zhov, I. V., Borodina and M. Yu. (2015) Problema otricaniya Kholokosta: istoriya, osobennosti i sovremennye tendencii. *Vestnik NNGU*, no. 3, pp. 97–102.

Svechnikova, S. V. and Kulakova, K. A. (2023) Problema revizionizma Kholokosta v konce XX–XXI vv. *Uchenye zapiski OGU. Seriya „Gumanitarnye i social`ny`e nauki*, no. 3 (100), pp. 56–61.

Sergeenkova, I. F. (2019a) Ponyatie «fashizm» v spravochno-enciklopedicheskoy literature SSHA i Velikobritanii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdu narodnye otnosheniya*, no. 1 (Online) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-fashizm-v-spravochno-entsiklopedicheskoy-literature-ssha-i-velikobritanii> (accessed: 29.04.2026).

Sergeenkova, I. F. (2019b) Problemy` interpretacii ponyatiya «fashizm» v anglo-amerikanskoj istoriografii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, no 1 (Online) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-interpretatsii-ponyatiya-fashizm-v-anglo-amerikanskoj-istoriografii> (accessed: 29.04.2026).

Strauss, L. (2007). *Natural Right and History*, Moscow, Vodolej Publishers. 312 p.

Gonzalez, C. J. I. (2020) From Ideology to Hate Speech and the Problem of Euro-American White Supremacist Extremism. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, no. 4, pp. 5–12.

Gregor, A. J. (2006) Roger Griffin, social science, “fascism” and the “extreme right”. In: *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / ed. by Roger Griffin, Werner Loh, and Andreas Umland. Stuttgart, Ibidem-Verlag, 510 p. Pp. 115–122.

Orwell, G. (1968) What is Fascism? Tribune, 1944. In: *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell* / ed. by S. Brownell-Orwell and I. Angus Vol. III. New York, Harcourt Brace Jovanovich. 579 p.

Passmor, K. (2002) *Fascism. A Very Short Introduction*. Oxford, Oxford University Press. 177 p.

Paxton, R. (2004) *The Anatomy of Fascism*. New-York, Vintage Book. 335 p.

Submission date: 01.06.2026.

Аршин Константин Валерьевич — кандидат философских наук, докторант Института философии РАН. Адрес: 143985, Российская Федерация, г. Балашиха, дер. Русавкино-Романово, 1-й Граничный проезд, 18. Тел.: 8 (916) 287-51-39. Эл. адрес: kosta-10@yandex.ru

Arshin Konstantin Valerievich, Candidate of Philosophy, Doctoral Student, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 18, 1st Granichny Dr, Rusavkino-Romanovo village, Balashikha, Russian Federation, 143985. Tel.: 8 (916) 287-51-39. E-mail: kosta-10@yandex.ru